

лошади, отвѣчалъ ей, что мнѣ лучше. Но и этимъ не кончилось дѣло. Вѣрдо жили въ одной съ нами гостиницѣ. Когда мы дошли до нея, г-жа В. пригласила меня въ свой концертъ. Дѣлать нечего, я сказалъ, что буду,—и она прислала мнѣ свой билетъ, за который отказалась взять деньги, говоря, что она меня пригласила въ свой концертъ. Постѣ концерта Т. тащилъ, было, меня къ ней, чтобы поблагодарить, какъ оно бы и слѣдовало, но я уперся какъ быкъ—и не пошелъ.

На другой день они должны были уѣхать, но мы еще раньше уѣхали въ саксонскую Швейцарію. Утро было прекрасное и общало жаркій день, но часамъ къ 10 погода стала портиться, и день былъ ни то, ни се. Я ходилъ пѣшкомъ, ѣздили верхомъ, носили меня на носилкахъ, только на ослахъ не ѣздили; видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія; видѣлъ на скалахъ, по берегу Эльбы, развалины разбойничьяго рыцарскаго замка, неприступнаго, какъ орлиное гнѣздо; видѣлъ развалины одного изъ тайныхъ судилищъ, столь знаменитыхъ и страшныхъ въ средніе вѣка. Но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому мнѣ въ тотъ же день показалось, что я лѣтъ сто сряду видѣлъ все эти дива дивныя, и они мнѣ давно наскучили, какъ горькая рѣдка. Погода не мѣшала, а способствовала такому настроенію духа,—и мы рѣшили завтра же воротиться въ Дрезденъ, чтобъ оттуда не медля ѣхать въ Зальцбруннъ, который манилъ меня, какъ мѣсто осѣдлаго, на шесть недѣль, пребыванія. Воротились въ Перну, гдѣ и ночевали. На другой день съѣздили посмотреть одно дѣйствительно удивительное мѣстоположеніе; а потомъ съѣздили въ крѣпость Кенигштейнъ. Это по неприступности третья крѣпость въ мірѣ, съ Гибралтаромъ и Свеаборгомъ. Она стоитъ на площади высокой, круглой горы, оканчивающейся отвѣсными скалами. Но меня все это не занимало, а только утомляло, день былъ полумрачный и холодный, а со мной не было теплаго пальто. Къ счастью, съ Т. было пальто, которое я и одѣлъ на мое бѣлое пальто, и мнѣ стало сносно. Часовъ въ 6 воротились мы въ Дрезденъ, а на другой день, въ 4 часа, по желѣзной дорогѣ, пустились въ Бреслау. Желѣзная дорога верстъ на тридцать прерывается шоссе. Ночевали въ какомъ-то городкѣ; а на другой день были часовъ въ 11 въ Бреслау. Въ исторіи моей болѣзни Тильманъ упоминаетъ „о романтическихъ окрестностяхъ Зальцбрунна, которыя невольно влекутъ чувствительное сердце къ наслажденію природою“. Этихъ окрестностей я не замѣтилъ на дорогѣ изъ Бреслау до Фрейбурга, но отъ Фрейбурга до Зальцбрунна мы ѣхали на лошадяхъ и ужъ все въ гору, и вдаль рисовалась полукружіемъ цѣль горъ. Но погода мерзость, хоть шубу надѣвай. Гулять не хочется да и негдѣ; всюду нивы, а по несхощенному дугу ходить нельзя—штрафъ сдерутъ; „вотъ тебѣ и романческія окрестности, невольно влекуція чувствительное сердце къ наслажденію природою!“ Тѣснота страшная и буквально сходить человѣку. А между тѣмъ, мѣстоположенія дѣйствительно манятъ къ прогулкѣ.

Вообще изъ моего еще пока краткаго пребыванія за границею я извлекъ глубокое убѣжденіе, что я вовсе не путешественникъ, и что въ другой разъ меня и калачемъ не выманишь изъ дому. Еще другое дѣло съ семействомъ, а одному—слуга покорный. Мнѣ становится страшно; это я испытываю вѣдь уже въ другой

разъ. Приѣхавъ въ Зальцбруннъ, я началъ выкладывать чемоданъ, а мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, что хотъ и плакать. Въ глазахъ мерещились всѣ вы, а въ ухахъ все раздавалось: Висалентъ Глаголичъ. Но какъ мнѣ тяжело было все сегодняшнее утро (6/18 воскресенье; письмо это пойдетъ на почту завтра)! Погода была все это время холодная, вѣтряная, но свѣтлая, ясная, а сегодня небо мрачно, кромѣ холода и вѣтра. Я вовсе раскисъ и изнемогъ душевно; вспомнилось и то и другое, насилу отчитался „Мертвыми душами“. Чувствую, что, пока не получу отъ тебя добраго письма, не буду спокоенъ, и жить мнѣ будетъ тяжело. А какое еще письмо получу я отъ тебя, и отъ тебя ли еще получу я его?.. Нѣтъ, впередъ ни за спасеніе жизни не уѣду вдаль отъ семейства. Я не гожусь въ путешественники еще и по слабости моего здоровья: вставай, ложись, ѣшь безъ порядку, когда можно, а не когда хочешь. Если бъ не желаніе основательнѣе вылѣчиться, я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя, что не видалъ того и этого.

Докторъ велѣлъ мнѣ въ 8 ч. вечера быть въ комнатѣ, несмотря ни на какую погоду, а въ 9½ въ постели. Должно быть, отъ холодной погоды на меня все это время напала спячка—сидѣть я не могу, ходить много тоже, а чуть прилягу—и засну. Въ сутки сплю я отъ 12 до 14 часовъ.

Анненковъ приѣдетъ къ намъ въ Зальцбруннъ (10 іюня) 29 мая, мы получили отъ него письмо. Іюня 4 онъ выѣзжаетъ изъ Парижа. Съ Кудрявцевымъ я надѣюсь скоро увидѣться и вѣроятно, и ты скоро увидишь его.

Прощай, chère Marie, желаю тебѣ всего добраго и хорошаго такъ же искренно и горячо, какъ желаю его самому себѣ. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

Твой В. В.

Скажи Некрасову что онъ нелѣпо сдѣлалъ, что не послалъ со мною Тургеневу 5-й номеръ „Современника“. Онъ для насъ погибъ, потому что не жить же намъ было для него вѣкъ въ Берлинь. Тургеневъ этимъ очень огорчился. Скажи Некрасову же, что, по словамъ Тургенева, романъ Фильдинга „Томъ Джонсъ“ можно смѣло переводить и печатать; а гетевского романа „Сродства“ не совѣтуетъ переводить. Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ. Письмо это посылаю не франкированное, на имя конторы, въ предположеніи, что, можетъ быть, тебѣ удалось сдать квартиру.

1847.

Къ К. Д. Кавелину.

Спб. 1847 г., ноября 22.

Сейчасъ только получилъ и разобралъ съ большимъ трудомъ ваше, писанное небывалыми до васъ на свѣтѣ гіероглифами, письмо милый мой Кавелинъ, и сейчасъ отвѣчаю на него. Что вы лѣтомъ ничего не дѣлали для „Современника“, за это никто изъ насъ и не думалъ сердиться на васъ. Вы—какъ сотрудникъ, соучастникъ, а не какъ работникъ, не поденщикъ, обязанный не имѣть ни лѣни, ни отдыха, ни другихъ дѣлъ, болѣе для васъ важныхъ. И вы напрасно извиняетесь, потому что